БОЖИЙ ДЕНЬ

А когда уже всё надоело
среди грохота плит и кастрюль,
Пожалеть моё грешное тело
прибыл вторник, четвёртый июль.

И тогда я пошёл за грибами
с оцинкованным звонким ведром.
Проворчали незлобно громами
небеса над лесистым холмом.

Мне дышалось легко и свободно,
так мечталось в лесной тишине,
словно Господу было угодно,
чтобы вторник явился ко мне.

ИСХОД

Нет опоры в стране у мессии.
Глум гламурный да поиск врагов.
И река шириною с Россию
пролегла между двух берегов.

Не наладить мостов, переправы –
глубока, своенравна вода.
Каждый берег – опорой Державы,
и глухая меж ними вражда.

На одном берегу – промолчали.
Покаяния ждали они.
На другом – сапоги лобызали
и гасили надежды огни.

Говорил глубоко и сурово,
но глухая в ответ тишина...
Тяжелы его совесть и слово –
не сдержала их тяжесть страна.

Задыхаясь в имперской клоаке,
сожалел о свершённом не раз,
отвергая признания знаки
от лукавых калифов на час.

Помолившись грядущему году,
он ушёл ни чужой, ни родной.
Тень судьбы тихо канула в воду, –
на сто лет приросла глубиной.

Он взошёл в сокровенное пламя,
где – один. И вокруг никого.
Помолись, православная память,
за бездомную душу его.

СЕНОКОС

–1 –

Сенокосный, високосный
Год-июль набрал полёт!..
Над травой, густой и росной,
утро раннее встаёт.

Проступают постепенно
сквозь туманный полумрак:
склон холма и копны сена
и с кустарником овраг.

Зреют шорохи и звуки
над озябшею травой,
и вода речной излуки
засквозила синевой.

Алым заревом на синем
засветился небосклон.
Набирают робко силу
птичий щебет, свист и звон.

На лугах, на сенокосных,
словно счастья смех и крик,
засверкал в алмазных росах
солнца утреннего лик!

Залил светом даль лесную!..
Вот и лёгкий ветерок
гасит росы и волнует
мой притихший костерок.

Как сплошной пчелиный улей,
день гудит над головой!..
Верноподданный июля,
сенокоса рядовой!

– 2 –

...Устали… Уже не до смеха.
И вот, через лог напрямик,
на конных граблях к нам подъехал
высокий и строгий старик:

«Помочь?» Пожимаем плечами:
во сне? Или же наяву?..
А грабли уже зазвучали,
в валки собирая траву.

Глядим на него с удивленьем:
откуда? И кто он таков?..
Ложились в ответ объясненьем
шуршащие строки валков.

Несла старика колесница,
мелькало вращение спиц.
Во мне шелестела страница
с рисунком былых колесниц.

Гребли, будто бы воскрешали
далёкие годы свои.
Закатною медью мерцали
заклёпы и бляхи шлеи.

Дыханьем ль былого согреты,
судьбы узнавали следы,
объятые таинством света
звезды сенокосной страды?

Вздымались в сияющем глянце
железные пальцы граблей,
скрипели чугунные флянцы,
как петли амбарных дверей.

В молчании строгом, неярком
по кругу вершили дела.
Дуга триумфальною аркой
над конскою гривой плыла…

Печальным кармином заката
вечерний окрасился час.
Казалось, что с ними куда-то
уйдёт что-то важное в нас.

Окончил дела. Я в награду
тяну трояки и рубли.
Ожёг, как кнутом, меня взглядом,
коня – под уздцы, и – пошли…

В закат, по колени в тумане,
где тихие гасли огни.
Как будто в легенды, преданья
навек уходили они…

– 3 –

Сенокос отошёл... Смолкла воля.
Зябкий сумрак томится во рву,
словно ропот вечернего поля,
на котором скосили траву.

Всё по мне: и печаль, и дорога,
тихий свет над родной стороной.
Горьким мёдом исходит из стога
обеззвученный скошенный зной.

И смотрю я, душой обмирая,
на просветы берёз и земли,
где, как пасынков горнего края,
слов несказанных тени легли.

Не кляну ни судьбу, ни погоду,
несказанному выпадет срок,
коль грядущему слову и году
наготовлено лучшего впрок...

ВЕЧЕРЕЮЩИЙ СВЕТ

То ли мёртвым был я, то ли пьяным,
ошиваясь в окрестном лесу,
обнаружил за сизым туманом
обнажённую деву-красу.

И пока я гадал, что случилось,
Засквозило дыханье ночи.
И лицо её вдруг засветилось,
словно робкое пламя свечи.

Незамеченным мне не остаться.
Я спросил её: «Как тебя звать?» –
«Сон недавно почившего старца.
Как могилку его отыскать?..»

За прохладные взял её плечи
и повёл вдоль высоких берёз
за овраг, где совсем недалече
деревенский ютился погост.

Меж могил она тихо бродила,
вдруг внезапно послышался треск:
зашатался над свежей могилой
полотенцем повязанный крест.

«Милый мой!» – она радостно молвила,
на мгновенье рассеялась мгла.
Промелькнула меж рук моих молния
и стремительно в землю ушла...

То ль на том, то ль на этом был свете?..
За холмами закат догорал.
Лёгкий ветер, задумчивый ветер
чёрный пепел с ладоней сдувал.

Я в село своё двинулся жить
вдоль полей с вечереющим светом.
И всё думал, что так может быть,
потому что подумал об этом...

ВЫШИВАНКИ

Для последнего часа свиданья,
упиваясь небесным огнём,
вышиваешь иглою Майдана
вышиванки на теле своём.

Лягут крестик с веночком и строчки,
алой кровью наполнятся швы.
Обернутся воронки в цветочки,
а траншеи в ажуры листвы.

Чудный месяц на теле и звёзды.
В честь высоких заморских гостей
вспыхнут росы, как чистые слёзы
в небеса унесённых детей.

Дым и горечь полынного хлеба,
гарный хлопец над полем ржаным.
Блещет жовто-блакитное небо
над коханым простором твоим.

Ради воли высокой и цели
гайдамаки от мира сего
для любимой тебя не жалели
ни себя, ни родных – никого.

Захлебнувшись сыновней любовью,
по следам самостийных годов
напитают москальскою кровью
вышиванки вишнёвых садов.

Возойдут из поганого склепа
в золочёный державный жупан:
посполитовый гетман Мазепа,
незалэжный Бандера Степан...

Вышиваешь, себя обряжаешь,
как в последний готовишься путь.
Ждёт жених из предтечных пожарищ,
звонкой песней прострелена грудь.

С рушниками придут за тобою,
вознесут на престол к образам.
И в церквах твоих ветер завоет
и откроет всем Виям глаза.

Протокольные речи назначат,
рухнет птах на средину Днепра!..
Только русское сердце заплачет
по тебе, дорогая сестра...

ОДИНОКИЙ ТРАКТОР

Неуютно, сиро и убого
во дворах заглохшей МТС.
Через поле вязкая дорога
уползает в сумеречный лес.

Непогода. Трактор, стар и грязен,
бороздит плугами косогор.
Брызговик верёвкою привязан,
чёрным маслом кашляет мотор.

Дух упадка над Россией всею,
бесполезен хлебороба труд.
Это поле, если и засеют, –
урожай в закром не уберут.

А в селе – разруха да сивуха,
трын-трава у ветхой городьбы.
На скамье печальная старуха,
будто призрак горестной судьбы.

Только трактор, вопреки резонам,
тарахтит с надрывною тоской,
нарезая плугом горизонты
новой жизни, светлой и простой.

Тыща лет пройдёт!.. В ночи глубокой
я услышу, как в краю родном
пашет поле трактор одинокий,
словно мир весь держится на нём...

ПИЛА

Сияют зубья от развода!
Как будто плотные стоят,
лицом к лицу, солдаты взвода,
слегка откинувшись назад.

В них свет медальками сверкает,
и сталь звенящая, как зной,
истомным стоном истекает
и остывает синевой.

Полно азартного томленья
в упругом теле полотна.
Дрожит, как девка в нетерпеньи,
и в руки просится она.

И обессиленной приляжет
в сенях на полку, и вдогон
слегка протяжный и вальяжный
с пилы соскальзывает звон...

КАК СТРАННО, ЧТО Я ВСЁ ЕЩЁ ЖИВОЙ...

Е. П. Чепурных

Живу в селе неторопливо
вдали от праздных дураков.
И новый день, что кружка пива,
с игривой пеной облаков.

Ещё живой. И слава Богу.
Не скучно мне в своих веках
топтать привычную дорогу
до тихой речки в тальниках.

Глядеть на птицу в небе ясном,
в житейских хлопотах предел.
И понимать, что не напрасно
я здесь родился, жил и пел.

Где даль светла и встречный каждый
душевной близостью знаком...
А что потом? – Уже не важно,
когда есть родина и дом.

Когда былое в летнем глянце
нахлынет лёгкою волной,
И начинаешь удивляться
тому, что я ещё живой...

НЕ ВСЕМ ПО ПЛЕЧУ...

Не всем по плечу безымянная слава,
что в жизни обыденной просто живёт.
Лишь жаль, что опять не узнает Держава,
как странник народный до Бога дойдёт.

Начнёт, зарядившись от слова простого,
в заглохшую землю бросать семена,
будить голосами глухие просторы,
вернув потерявшим свои имена.

Послушна природа Божественной Воле.
Любовью и светом желанным полна.
Журчаньем ручья, колосящимся полем
по имени нас окликает она.

БЕЛОВСКАЯ ОКРАИНА

Воздух будто из жизни иной.
В зелень спутаны годы.
Предвечерние блики, что зной
загустевшего мёда.

Чья-то жизнь за оконным стеклом
промелькнёт, как в тумане.
Потемневший бревенчатый дом,
кроткий облик герани.

Не окликнут ведуний своих
приворотные сени.
И тоскует меж ставен резных
томный тенор сирени.

Заблудиться б средь тихих оград
и не ведать иного:
вновь ловить обещающий взгляд
в нежном мае былого.

Здесь печаль, как молитва светла,
и послушник заката
покрывает дерев купола
вечереющим златом...

Подступили вплотную, глядят
современные зданья.
Но ответный задумчивый взгляд
не найдёт пониманья...